

Письмо Карла Поппера Н.С.Юлиной

1 сентября 1988 г. 136, Welcomes Road, Kenley, Surrey, UK, CR2 5HH

Nina Stepanova Yulina
Institute of Philosophy
USSR Academy of Sciences
14 Volkhonka Street
Moscow 121019, USSR.

136 WELCOMES ROAD
KENLEY
SURREY
CR2 5HH

1 September 1988

My dear Nina,

I first wanted to write "Dear Madame"; but why not be human? I found your paper from Philosophia Naturalis by accident between other papers and books on my bedside table this morning, and I had completely forgotten how it got there: my brain is working very badly since I had three strokes. (Fortunately, I still have new ideas; but the memory is miserable.) I had forgotten all about Brighton, which had been a severe strain. But with an effort, I brought back a fleeting memory - perhaps a wrong one - of your person, making me a gift of your paper. I see it was published 4 years ago.

I feel grateful for your gift, and I appreciate the great effort you made in studying my books. They seem to have interested you, so your time was not entirely wasted.

Your paper is the reaction of a (Hegelian?!) philosopher. It takes me as a (Hegelian?!) philosopher. But I am not a philosopher. What am I? I suppose, an impatient scientist, a physicist and a biologist. Although as a child I read much philosophy, in a way I never liked it. I did like some philosophers: Kant, Schopenhauer, Schlick, Russell. But I did not really like any philosophy. What did I like? Apart from my friends, whom I loved, I loved to understand (nature): I loved problems, and to try to solve them.

I loved, and I still love, problems. And since problems need ideas for their solution, I love ideas, theories. And I hate pretended ideas (= philosophical ideas = Hegelian ideas), ideologies. I think I understand your paper. But I do not think that

136 WELCOMES ROAD
KENLEY
SURREY
CR2 5HH

you understand my (so-called) "philosophy"; just because it is not a philosophy, but a long fight to solve a few problems in modern physics, which, I believe, has gone wrong, because (my diagnosis) of epistemological mistakes. Thus it were problems in physics which led me to epistemology. And the same problems have led me on to work on them for (by now) 70 years.

Hegel I hate. He is personally dishonest. But since he was brought up as a theologian, he has lost all standards of honesty. But he really does not interest me. You may be right in most you say. But (I am very sorry to have to say so) it nowhere comes near my real interests. An example of a problem that does come near my real interest is my thesis that entropy has nothing to do with our lack of knowledge. This thesis (which is my answer to a problem (a pseudo-problem!) in physics is the more important as I think that ^{our} lack of knowledge in physics is great and very important.

I hope and trust that you are not hurt by the negative character of this letter. In fact I feel very sorry for having somewhat misled you by the character of my writing. It was not done on purpose.

With all good wishes

yours sincerely
Karl Popper

Дорогая Нина,

я хотел было написать «мадам», но почему бы не позволить себе более человеческое слово? Сегодня утром я случайно наткнулся на Вашу статью в *Philosophia Naturalis*, лежавшую среди прочих статей и книжек на моем прикроватном столике, и обнаружил, что я совершенно забыл, как она там оказалась: после трех инсультов мой мозг работает скверно. (По счастью, хотя память оставляет желать лучшего, у меня есть еще новые идеи.) События в Брайтоне, потребовавшие от меня большого напряжения и сил, к тому моменту совершенно выветрились у меня из памяти. Однако, приложив некоторое усилие, я припомнил, как вы дарили мне свою статью; возможно, что это ложное воспоминание. Как я вижу, она была опубликована четыре года назад.

Я благодарен Вам за этот Ваш подарок и очень ценю Ваши усилия в изучении моих книг. Как мне кажется, они сколько-то заинтересовали Вас, поэтому Ваше время не было потрачено совсем уж напрасно.

Ваша статья – это реакция философа (гегельянца??). В ней я представлен как философ (гегельянец??). Но я не философ. Кто же я? Мне кажется, что я нетерпеливый ученый, физик и биолог. Хотя в юности я много читал по философии, в каком-то смысле она мне *никогда* не нравилась. Мне действительно нравились некоторые философы: Кант, Шопенгауэр, Шлик, Рассел. Но философия сама по себе мне не нравилась. Что же мне *действительно* нравилось? Помимо моих друзей, которых я любил, я любил понимание (природы): я любил *проблемы* и попытки их решения.

Я любил и до сих пор люблю проблемы. А так как проблемы требуют для своего решения идей, то я люблю идеи и теории. Но я ненавижу идеи, которые только притворяются идеями (= философские идеи = гегельянские идеи), идеологии. Как мне представляется, я понял, о чем Ваша статья. Но мне не кажется, что Вы поняли мою (так называемую) «философию»; и только потому, что это не философия, а длительная борьба по разрешению горстки проблем в современной физике, которая, как я считаю, зашла в тупик из-за ошибок в эпистемологии (таков мой диагноз). Те же самые проблемы заставляли меня работать над ними (на данный момент) в течение семидесяти лет.

Что касается Гегеля, то я его не выношу. Он не только нечестен перед самим собою, но вследствие своего богословского образования он и вовсе утратил способность рассуждать честно. Впрочем, он меня вообще не интересуется. Вы может быть правы в большинстве из того, что Вы пишете. Но (и мне грустно так говорить) это даже близко не относится к тому, что интересует меня на самом деле. Пример проблемы, которая действительно попадает в круг моих нынешних интересов, – это мой тезис о том, что *энтропия не имеет никакого отношения к ограниченности наших нынешних познаний*. Этот тезис (являющийся моим решением проблемы (псевдопроблемы!)) в физике является наиболее важным, так как я считаю, что недостаток наших познаний в физике огромен и это очень значимо. Я надеюсь и верю в то, что Вас не сильно задел негативный настрой этого письма. На самом деле мне очень жаль, что сам характер выражений в моих работах каким-то образом запутал Вас. Это не было моим намерением.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Карл Поппер.

Перевод А.А. Веретенникова

О ПРЕДЫСТОРИИ ПИСЬМА КАРЛА ПОППЕРА

В 1983 г. в Зальцбурге (Австрия) готовился VII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Я послала туда тезисы моего доклада, который назывался «Об имплицитном гегельянизме Карла Поппера». Поскольку Оргкомитет с нашей стороны не включил меня ни в состав делегации, ни в туристическую группу, поехать туда я не смогла. После Конгресса я получила письмо от представителя Программного комитета с австрийской стороны с предложением расширить мои тезисы до объема статьи с тем, чтобы опубликовать ее в журнале *Philosophia Naturalis*. Что я и сделала, статья была опубликована в 1984 г. под названием «On Popper's implicit Hegelianism».

1988 г. в Брайтоне (Великобритания) проходил Всемирный Конгресс философов (меня включили в туристическую группу). Я знала, что будет выступать Поппер, поэтому на всякий случай прихватила с собой опубликованную в *Philosophia Naturalis* статью. На заключительном пленарном заседании Конгресса, 24 августа, на котором присутствовало огромное количество людей, Поппер выступил с докладом «Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность». По окончании доклада его окружила толпа, подойти к нему было невозможно, и я попросила какого-то господина передать мою статью Попперу. По цепочке люди передали ее ему. Всего через пару недель (!) после окончания Конгресса и к своему великому удивлению я получила от Поппера это письмо. К сожалению, так получилось, что в это время я наводила порядок в моих книгах и папках, письмо в них затерялось, а попытки найти его не увенчались успехом. И только в этом году, разбирая содержимое старых папок, обнаружила его среди бумаг. Я сочла, что, несмотря на запоздалость, читателю будет интересно с ним познакомиться.

Для меня была ясна причина быстрой и эмоциональной реакция Поппера на мою статью. Его покорило термин «гегельянизм» по отношению к его концепции. Под «имплицитным гегельянизмом» я имела в виду, прежде всего, его трактовку идеального («Мира 3») в концепции «Трех миров». Напомним, что Поппер представляет действительность в виде трех онтологически различных «миров» – физических явлений («Мира 1»), сферы субъективных состояний («Мира 2») и мира интеллигенций или идей в объективном смысле («Мира 3»). В последний «Мир» он включал научные теории (истинные или ложные), идеи, проблемные ситуации, мифы, архитектурные и прочие стили и даже нереализованные возможности. Иначе говоря, это мир культуры, взятый в плане развертывания его идеального содержания. Поппер сравнивал «Мир 3» с платоновским миром «форм». Я же нашла, что, несмотря на неприязнь к Гегелю, он имплицитно воспроизвел какие-то структуры гегелевского понимания идеального и что его «Мир 3» имеет больше сходства с «объективным духом» Гегеля, нежели «формами» Платона; в отличие от статичных «форм» он находится в развитии, в разворачивании и реализации новых перспектив. (Попперу намекали на это сходство, но он отвечал: «Можете называть меня “платоником”, но ни в коем случае не “гегельянистом”). Кстати сказать, ненависть к Гегелю объяснялась не только тем, что тот отказал природе в развитии и игнорировал естествознание, а, прежде всего, «профетизм» его философии. Поппер резко негативно относился к любым

философским построениям, подавляющим критические способности разума (в их число он включал марксизм и фрейдизм). Философы, как и ученые, должны заниматься решением проблем, а не сочинительством «очаровывающих» людей идеологий и «мировоззрений».

В своей статье я представляла Поппера как «философа». Он посчитал это моей ошибкой, ибо философия ему никогда не нравилась. Задав себе вопрос: «Кто же я?», ответил: «Мне кажется, что я нетерпеливый ученый, физик и биолог». Когда его спрашивали об интересах и предпочтениях, он на первое место ставил музыку и искусство, на второе – науку, а философия не упоминалась.

Так кто же Поппер, ученый или философ? Я и сегодня считаю, что он был философом. Кстати сказать, такого же мнения придерживается и мировое сообщество философов – достаточно заглянуть в международные энциклопедии. В отличие от аналитиков-концептуалистов или Витгенштейна, он был философом-натуралистом и с увлечением погружался в проблемы математики, физики, биологии. Поппер хотел быть ученым, но, по-видимому, в юности он все же был «инфицирован» философией (уж Кантом точно), и это сказалось на его творчестве. Достаточно пролистать его «Логiku научного исследования» (1959), «Объективное знание» (1979), «Предположения и опровержения. Рост научного знания» (1972), чтобы увидеть, что его занимают проблемы эмпиризма, фальсификационизма, правдоподобия, истины и реализма, детерминизма-индетерминизма, объективизма-релятивизма, то есть эпистемологические проблемы. А в книге «Самость и ее мозг» (1977), написанной совместно с Дж. Экклзом, а также в лекциях «Знание и проблема тела-сознания. Аргумент в пользу интеракционизма» (1994) Поппер и вовсе обратился к традиционной для философии (онтологической) проблеме сознания. Более того, сформулированная им концепция «Трех миров» имеет признаки метафизики или теории бытия. Получилось так, что, считая себя ученым, Поппер фактически искал в науке ответы на философские вопросы, а в философии – на научные проблемы.

В письме Поппер пишет, что в настоящее время его интересует проблема энтропии, точнее обоснование тезиса, что *«энтропия не имеет никакого отношения к ограниченности наших нынешних познаний»*. Однако энтропия (и фиксация эпистемологических ошибок в толковании физики) интересовала его еще и по другой причине. На основе традиционных интерпретаций термодинамики и «закрытой Вселенной» невозможно обосновать самоактивность самости и свободу воли, – а такое обоснование для него было важно не только по теоретическим, но и моральным соображениям. В отличие от физикалистов (и его друга Куайна), стремившихся редуцировать сознание и личность к чему-то материальному, для Поппера самоактивная и творящая новые смыслы самость – высшая ценность мира и культуры – и в физике должно быть найдено автономное место для нее.

Мне кажется, что самооценка Поппера как ученого, решающего проблемы, в чем-то характерна и для ментальности нынешних философов-натуралистов. Можно по образованию и деятельности быть ученым (или считать себя ученым), но как только, занимаясь своими профессиональными делами, ученый задумывается о встающих здесь эпистемологических и метафизических вопросах, он вступает на поле философии. И здесь он вольно или невольно приспосабливается к сложившейся в этой дисциплине терминологии, языку, проблемам и канонам и заражается существующими на этой территории «инфекциями». Одним словом, становится философом.